

О князе Святославе. Развенчание современного мифотворчества

(Источник: «Родноверие», №1 (№10)/ 2015, с.62-67)

Рассказывает Дмитрий Гаврилов:

27 октября 2014 г. по славянским языческим организациям было распространено «Слово о ложном величии». В нём впервые была дана отрицательная оценка раздутому в минувшие годы культу князя Святослава Игоревича. Повод — открытие в г. Серпухове 4 ноября 2014 г. памятника названному князю. Дабы отличить подлинную культуру и историю от моды и воспрепятствовать идеологической диверсии против нашей страны, мы написали это «Слово о ложном величии». Ниже, вкратце, обоснование нашей позиции, выстроенное в виде ответов на часто задаваемые вопросы.

Почему вы против празднования Дня Святослава?

Согласно древнерусскому и славянскому обычаю, Святослав — заложный покойник. Поминают их в так называемые Семиковые (Троицкие) Деды. Взывание к заложным покойникам в прочие дни приносит вред живущим на Этом свете.

Мы знаем из летописей о всенародных проводах «за море» Вещего Олега, о погребении Игоря Старого. Известно, как были упокоены мать Святослава и его сын Владимир, прочие князья. Об обрядности, провожающей Святослава в мир Иной, летописцы ничего не сообщают: таковой не было! Над телом Святослава надругались враги, плоть склевали вороны и съели дикие звери (как и тела павших по его вине воинов):

«В то время как князь Руси Святослав возвращался из Греческой [земли], куда вражески вторгся, и вёз греческие трофеи, его враги печенегы, извещённые некоторыми русскими и киевлянами, выступают со всеми силами и легко побеждают Святослава и его войско, как потому что оно было обременено добычей, так и потому что сражалось в неудобном месте. Сам Святослав, пытаясь продолжить сражение и остановить позорное бегство своих [воинов], живым попадает в руки врагов. Князь печенегов по имени Куря, отрезав ему голову, из черепа, украшенного золотом, делает чашу, из которой имел обыкновение пить в знак победы над врагом, ежедневно вспоминая свой триумф»¹.

Хотите вспоминать незавидную судьбу вашего князя — делайте это согласно обычаю того народа, на языке которого говорите, и в дни, которые для этого отведены мудрыми предками!

Почему Святослав не может быть героем, это прекрасный пример для подражания молодым воинам Русской Земли?!

Ещё при жизни он перестал быть примером для современников и единоплеменников, ведь подданные Святослава из Киева навели на него печенегов, а воины бросили князя. Или Ян Длугош, имевший на руках в середине XV в. немало того летописного материала, что вскоре был утрачен, зачем-то клеветает на Святослава, выставляя его полководцем, который принял бой в навязанных ему невыгодных условиях, не в силах отказаться от награбленного на Балканах? Так избавиться от назойливого Святослава хотели и другие его подданные, из того самого Переяславца на Дунае, который Святослав уже называл своей столицей (Уж не самой ли Преславы!?), серединой своих земель. Но не тут-то было:

«А переяславцы послали к печенегам сказать: “Вот идет мимо вас на Русь Святослав с небольшой дружиной, забрав у греков много богатства и пленных без числа”. Услышав об этом, печенегы заступили пороги. И пришел Святослав к порогам, и нельзя было их пройти. И остановился зимовать в Белобережье, и не стало у них еды, и был у них великий голод, так что по

¹ Ян Длугош. «История Польши», II. Р. 188.

полугривне платили за конскую голову, и тут перезимовал Святослав. <...> Когда наступила весна, отправился Святослав к порогам. И напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его, и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него...» — сообщает Лаврентьевская летопись.

Византию же неудачливый и недалёкий политически князь, пустивший прахом прежние дипломатические достижения Олега Вещего и Игоря Старого, вполне устраивал!

Намёки на то, что войско Святослава погибло по вине своего князя, оставлены нам и древнерусскими летописцами: «Следует обратить внимание на известия, содержащиеся в Ермолинской летописи (2-ая пол. XV в.), летописных сводах 1497 и 1518 гг., о черепе Святослава, согласно которым из черепа печенеги сделали чашу, оковали золотом и пили из неё, написав на чаше: “чужих ища, своя погуби”...»

В летописном сказании надпись на чаше также носит отпечаток жестокой иронии и мало гармонирует с магическим использованием чаши Курей, как сакрального и благодательного сосуда», — отмечает А.С. Королёв². Или, ещё вариант: «Чужих паче силы жалаая, и своя си погуби за премногую его несытость» (Львовская летопись, XV–XVI вв.).

Глупая и никчёмная смерть Святослава и гибель его людей должны послужить потомкам жизненным уроком, а не примером высокой нравственности.

Пусть Лев Диакон изрядно завывает численность войска русов:

«Сфендослав <...> не в силах был сдержать своих устремлений; возбужденный надеждой получить богатство, видя себя во сне владельцем страны мисян, он, будучи мужем горячим и дерзким, да к тому же отважным и деятельным, поднял на войну все молодое поколение тавров. Набрав, таким образом, войско, состоявшее, кроме обоза, из шестидесяти тысяч цветущих здоровьем мужей, он... выступил против мисян».

Ныне историки оценивают его в 20–22 тысячи «цветущих здоровьем», из которых уцелели немногие. Объявленный непобедимым Святослав практически проиграл сражения под Аркадиополем весной 970 г. и при Доростоле в июле 971 года. Потерпел он сокрушительное поражение и в бою у днепровских порогов. Ища чужой земли, Святослав лишается собственной. «Ты, княже, чужей земли ищешь и блюдеши, а своя ся лишишь», — говорит Святославу его современник согласно Ипатьевской летописи.

Почему вы отказываете Святославу в «благородстве, любви и преданности Отечеству»?

Отечество — земля отцов. Если считать Игоря Старого киевским князем, то отечеством Святослава будет Киев. Киев, откуда он так стремится на землю матери — в Болгарию, на Дунай. В 1888 г. в «Русской Старине» выходит статья архимандрита Леонида (Кавелина) «Откуда родом была св. великая княгиня русская Ольга?», в котором он публикует отрывок из обнаруженного им в архиве А.С. Уварова «древнего русского летописца Владимирского» (по списку 1462–1490 гг.). В нём сказано:

«Игоря же [Олеги] жени въ Болгарехъ, поять за него княжну именемъ Олгу, и бе мудра велми».

Сопоставляя древнерусские и древнеболгарские источники, автор заключает: летописная родина Ольги «Плесков», толкуемая как Псков, на деле древняя столица Дунайской Болгарии Плиска. Доводы Кавелина в науке рассмотрены и признаны весомыми³.

Князь Олег, будущий покоритель Царьграда, коего нарекут Вещим, нуждался в сильном союзнике. Таким стал правитель болгар, тоже родом из Плиски, Симеон Великий (сухопутное

² Королёв А.С. Загадки первых русских князей. М.: Вече, 2002. См. также. Королёв А.С. Святослав. М.: Молодая гвардия, 2011. — (ЖЗЛ).

³ Иловайский Д.И. Вероятное происхождение св. княгини Ольги // Иловайский Д.И. Исторические сочинения, ч. 3. М., 1914, с. 441–448; Тихомиров М.Н. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. // Тихомиров М.Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969, с. 107.

войско Олега в 907 г. болгары пропустят, и русы подступят к городам византийским и с моря, и с суши). Династический брак был в те века верным средством скрепления и военного союза. *«Игореве же возрастъшу и хожашу по Олзе и слушааша его. И приведоша ему жену от Пьскова, именем Олену»* — вещает Лаврентьевский летописец под 902 годом.

Вопрос о степени родства Ольги и Симеона открытый. Мы склонны считать, что Ольга (т.е. Олёна, перенаречённая в честь грозного свата) была дочерью Симеона и его второй жены — армянки Марии (Мариам) Сурсувул. Брат Марии, Георгий Сурсувул после смерти царя Симеона был по сути регентом при Петре I, т.е. приходился Олёне дядей. Менее значимое родство с болгарским царским двором вряд ли заинтересовало бы Вещего Олега с учётом его далеко идущих планов. Есть, правда, мнения болгарских исследователей о том, что Олёна — племянница Симеона, «дщерь» его сестры Анны. Но это опровергает прозорливый выбор сподвижника Симеона, пресвитера-монаха Григория.

Леонид (Кавелин) отмечал: «Признав же, согласно со свидетельством летописца XV-го века, болгарское происхождение Ольги, мы получаем через то иное более достоверное и целесообразное освещение важнейшего из событий нашей древней истории: принятия ею христианской веры; причём, хотя отрывочные, но достаточно определенные известия о её духовном наставнике и спутнике в Царьграде, болгарском пресвитере мнихе (иеромонахе) Григории, приобретают полную достоверность и наводят на многие заключения. **Болгарский пресвитер-монах Григорий, бывший сотрудник болгарского царя-книголюбца Симеона, муж просвещенный, переводчик двух греческих хроник: Георгия Амартола и Иоанна Малалы, оставивший Болгарию, по смерти Симеона, и очутившийся при дворе русской княгини Ольги,** — личность, доселе не вполне выясненная. Теперь же, когда сделалось известным о болгарском происхождении Ольги, **появление при языческом дворе Ольги болгарского пресвитера-мниха, сделавшегося главным наставником её в христианстве, а вероятно и внешней политике,** — **поясняет очень многое,** казавшееся доселе неясным в её действиях. Пресвитер-монах Григорий сопровождал Ольгу в её поездке в Царьград, и здесь, как муж просвещенный и знакомый с языком и обычаями греков и церемониями византийского Двора, был ей не только полезен, но, можно сказать, и необходим <...> Как известно, Константин Багрянородный в своем описании приема Ольги упоминает и о её духовнике, пресвитере Григории, присутствие которого при великой княгине, как легко догадаться, было не по вкусу грекам. <...> **Болгарское происхождение великой княгини Ольги бросает совершенно иной свет на отношение воинственного сына её Святослава к соплеменной ему Болгарии;** не столь удивительными покажутся теперь и слова Святослава, обращенные им к своей дружине относительно Переяславца: *“не хошу жити в Киеве, а в Переяславце (Болгарском), ту бо среда земли моя”*... и проч. Очевидно, что **Святослав, как болгарин по матери, пламенно желал владеть этою страню не по слепой охоте к завоеваниям и добыче, а потому, что полагал себя имеющим на неё более прав, чем византийцы.** Кто вероятнее болгарского пресвитера Григория мог внушить Святославу мысль завоевать Болгарию не для греков, а для себя?» — задаётся риторическим вопросом Кавелин.

Кстати, не раз отмечалось, что у Константина Багрянородного Григорий назван не «поп» (папа'с, с ударением на втором слоге), а «па'пас», что примерно соответствует слову «епископ». Нехилый духовник! Но ромеи, не признававшие болгарское крещение (или даже считавшие болгарскую веру ересью), возможно, крестили Ольгу ещё раз.

А.Л. Никитин обращает внимание на несообразный — для королевы варваров — приём, оказанный Ольге в Константинополе: «...обязательный в таких случаях тройной проскинесис (поклон, при котором распростираются на полу) для неё был заменен лишь легким наклоном головы, а затем, сидя в присутствии императрицы и императора, она беседовала с последним “сколько пожелала”, и, судя по всему, без переводчика. Ж.-П. Ариньон, анализируя почести, оказанные Ольге/Эльге, заключил, что она была принята во дворце по чину “опоясанной

патрикий», на который имела право только в том случае, если бы стала свекровью «порфирородной» принцессы⁴. <...> Сам факт неординарного приема княгини росов в императорском дворце таким блюстителем этикета, каким был Константин VII, заставляет вспомнить происхождение Ольги «из Плиски», что является недвусмысленным свидетельством её родства⁵ с царствующим домом Первого Болгарского царства и непосредственно со здравствующим в то время царем Петром Симеоновичем⁶. Потому она и была принята во внутренних покоях дворца, куда не допускались никакие иноземцы, даже послы. Похоже, притязания Святослава на свою долю «болгарского наследства» уже после смерти царя Петра I вполне реальны и обоснованы!

Никитин также обращает внимание на хотение Святослава «*жити в Переяславци в Дунай, яко то есть среда земли моей*»: «Почему-то оно не вызывает удивления ни у его “бояр”, ни у матери, которая только просит подождать её смерти, после чего “*иди, амо же хоцеши*”, хотя на самом деле является своего рода программой и оправданием последующих “болгарских войн”. На первый взгляд, здесь идет речь о завоевании Болгарии с целью переноса туда столицы “Руси” — замысел дерзкий, но возможный, однако, его реализация, как это представлено у Льва Диакона, вызывает множество недоумений у историка, поскольку «завоевание» сопровождается беспрецедентным в истории фактом сохранения правящей династии, царской сокровищницы, захваченной впоследствии Цимисхием, и отсутствием посягательства Святослава на какие-либо реальные властные функции, титулы и инсигнии, кроме объединенного командования росами/русами и болгарской армией против греков. Удивление вызывает и та легкость, с какой, воспользовавшись приглашением императора Никифора “воевать Болгарию”, переданным через Калокира, Святослав всего с 10 тысячами росов захватил Первое Болгарское царство, не вызвав, по сути дела, серьезного сопротивления болгарского войска и населения.

<...> У нас нет оснований не доверять рассказу Льва Диакона о подстрекательствах Святослава византийским двором к военным действиям против Болгарии, однако только в свете предположений о его родственных связях с болгарской династией становится понятным, почему выбор пал именно на него, а не на печенегов или угров. С другой стороны, приурочение автором ПВЛ намерения Святослава отправиться в «Переяславец на Дунае» (**в котором вероятнее видеть не городок в низовьях Дуная, как то обычно считают, а болгарскую столицу Преславу!**) ко времени перед смертью Ольги, последовавшей 11.7.969 г., т. е. вскоре после смерти Петра Симеоновича, указывает на династическую подоплеку событий, что привело, в конечном итоге, к разделению не земель, а власти (на светскую и военную) между Борисом II и Святославом **по принципу, хорошо известному у тюркских народов в древности, в том числе и у болгар** (из повествования Льва Диакона следует, что Борис II вместе с семьей оставался в Преславе, где для охраны города был размещён большой гарнизон росов, в то время как резиденцией Святослава оставался Доростол на Дунае). (*Лев Диакон. История, VIII, 6 и 8*)⁷.

Итак, по материнской линии у Святослава дедушка — болгарин, а бабушка, в лучшем случае, армянка. Так что наш «истинный славяно-арий» принадлежит к болгарской ханской династии Крума.

Сын хана Токту — Крум (755–814), именовал себя «канасювиги».

Хан Омуртаг, сын Крума (ум. 831).

Хан Маламир, сын Омуртага (ум. 836).

Канасювиги Пресиан (ум. 852), племянник Маламира и внук Омуртага.

⁴ *Ариньон Ж.-П.* Международные отношения Киевской Руси в середине X в. и крещение княгини Ольги // ВВ., т. 41, М., 1980, с. 120.

⁵ *Златарски В.Н.* История на Българската държава през средните векове, т. I, ч. 2. София, 1971, с. 512–513.

⁶ *Никитин А.Л.* Основания русской истории. Мифологемы и факты. М.: АГРАФ, 2001, с. 217–218.

⁷ *Никитин А.Л.* Основания русской истории... с. 232–233.

Каган Борис I, сын Пресиана, правил до 889 г., в 864 г. принял крещение и титул царя, затем отрёкся от престола и ушёл в монастырь (ум. 907).

Князь Расате — сын Бориса, низложен последним в 893 г. за отход от христианства.

Сын Расате, Симеон I Великий (864–927), князь, а затем царь «всем болгарам и грекам».

Царь Пётр I (правил 927–969) — сын Симеона Великого и Марии Сурсувул, он вероятный дядя Святослава и брат княгини Ольги.

Внук Симеона и сын болгарской царевны Олёны Святослав родился в год смерти деда.

Наконец, царь Борис II, сын Петра I, правил с 970 по 971 гг. Попал в плен к двоюродному брату Святославу после взятия Преславы, затем к ромеям, убит в 977 г.

Мы не отказываем Святославу в особой любви к родине его предков — Болгарии. Мы отказываем ему в благородстве и высоких мотивах!

Поиск виновных в собственных бедах — удел слабых. А братоубийство — и вовсе преступление. Или все уже забыли памятное свидетельство той самой летописи Иоакима в изложении В.Н. Татищева — той самой, где красочно описано «крещение Новгорода» огнём и мечом?! *«По смерти Ольги Святослав пребываше в Переяславце на Дунае воюя на Козары, Болгары и Греки имея помощь от тестя князя Угорского и князя Ляцкого, не единою побеждая, последи за Дунаем у стены долгие все войско погуби. Тогда диавол възмате сердца вельмож нечестивых, начаша клеветати на христианы, сущие в воинстве, якобы сие падение вой приключилося от прогневания лжебогов их христианами. Он же толико разсвирепе, яко и единого брата своего Глеба не пощаде, но разными муки томя убиваше».* Имя младшего брата Святослава в источниках разнится: Вратослав, Володислав, Глеб, но суть не меняется. В братоубийстве нет благородства!

«Речь Святослава перед последним боем с византийцами под Доростолом — свидетельство высокого понимания значения воинской чести в древнерусском обществе», так ли это?

Воззвание, разумеется, было хотя бы согласно Льву Диакону. А вот передача его содержания летописцем вызывает вопросы. Существовало ли вообще для Святослава такое понятие, как Русская земля, когда он хотел перенести столицу на Дунай⁸, а Русь мнил окраиной, источником рабов?! А.Л. Никитин замечает по этому поводу, опираясь на Ипатьевскую летопись: «Обращение Святослава к воинам “уже нам некамо ся дети, и волею и неволею стати противу: да не посрамимъ земли Руские, но ляжемъ костью ту, мертвы бо сорома не имаеть; аще ли побегнемъ, то срам нам; и не имамъ убегнути, но станемъ крепко, аз же перед вами пойду. Аще моя глава ляжетъ, то промыслите о себе” [Ип., 58] имеет текстуальное совпадение со словами другого Святослава — Ярославича — перед сражением с половцами под Сновском 1-го ноября 6576/1068 г., когда против двенадцати тысяч половцев оказалось только три тысячи черниговцев: “потягнемъ, оуже намъ не льзе камо ся дети” [Ип., 161]. При всей кажущейся очевидности заимствования второго текста из первого, т. е. усвоения Святославом Ярославичем слов Святослава Игоревича, следует настаивать на обратной зависимости по причине присутствия в тексте лексемы “земля Русская”, оправдываемой ситуацией 1068 г., тогда как Святослав Игоревич сам был агрессором и находился в чужой земле»⁹.

«Чужой земле» — для войска, которое он привёл в Болгарию защищать свои личные, феодальные интересы и династические права, и которое, в конечном счёте, едва ли не полностью сгубил! Преслава-Переславец — не наша с вами Родная Земля! **Своё царство и наследство там потерял лишь сам Святослав.**

⁸ Тут следует оговориться, что, конечно, в «Списке русских городов дальних и ближних» (принятое в исторической науке название особой статьи-приложения географического характера, помещаемой в русских летописях и рукописных сборниках) присутствуют «города на Дунае», но самый ранний «Список...» датируется XIV веком, а за 400 лет до этого, в годы Святославовы, ситуация была совершенно иной.

⁹ Никитин А.Л. Основания русской истории... с. 225.

Образ «истинного русича Святослава» с 1990-х внедряется в неокрепшие умы. Зачем? Кому это выгодно? Для Северной традиции, к которой мы, русские — потомки вятичей и кривичей, новгородских словен, ильменской да балтской руси — себя относим, архетип южного воина-полутюрка совершенно чужд!

Архетипический образ нашего князя хорошо известен. Его воплотил Николай Черкасов в фильме «Александр Невский». У нас есть свои герои! Тот же Вещий Олег, который прибил щит на врата Цареграда. Только о нём «почему-то» велено позабыть. Почему? Да потому что Олег пришёл с Севера, из Приладожья да Приильменья, и захватил Киев. Это кое-кому очень не нравится! Зато нравится тезис об «исконной Киевской Руси», которая «примучивала» всякую там мерю, мордву и московитов-вятичей.

Внёс ли Святослав Игоревич «неоценимый, системообразующий вклад» в становление русской государственности?

Его «вклад» стал миной замедленного действия и обернулся в итоге феодальной раздробленностью. Вот лишь два примера.

Тот же А.С. Королёв обращает внимание, что посольство новгородцев оказалось для Святослава полной неожиданностью: «*“В то время пришли новгородцы, прося себе князя: “Если не пойдете к нам, то сами найдем себе князя”. И сказал им Святослав: “А кто бы пошел к вам?” Ярополк и Олег отказались, а Владимир согласился. Разумеется, в этом известии летописи много легендарного, заметна и тенденциозность летописца в его отрицательном отношении к новгородцам. Однако атмосфера конца 60-х — начала 70-х годов X века передана верно: власть Святослава над русскими и славянскими областями очень слаба и зависит во многом от признания её законной самими областями. Очевидно, новгородцы обращаются к Святославу, как народ совершенно чужой, неподвластный, свободный. И Святослав в своем обращении к ним показывает, что признает их такими... В словах Святослава: “абы пошел кто к вам” — чувствуется какая-то досада, какое-то неудовольствие к новгородцам, но все-таки как к народу независимому, который ищет вновь сделки, союза, соединения, а не как к народу, который фактически находится в подданстве. На этом основании можно с большою вероятностью допустить, что киевские князья утратили свою власть над отдаленным Новгородом, не могли его возвратить, и, вероятно, <...> не хотели употреблять усилий к его возвращению».*

А вскоре, разделив земли между сыновьями, определив каждому свой удел (с тех пор это вошло в обычай, а чем больше сыновей — тем больше уделов!), Святослав перестаёт быть и киевским князем: «Он завоевал Болгарию и остался там жить; вызванный оттуда вестью об опасности своего семейства нехотя поехал в Русь; здесь едва дождался смерти матери, отдал волости сыновьям и отправился навсегда в Болгарию, свою страну. Но теперь он принужден снова её оставить и возвратиться в Русь, от которой уже отрекся, где уже княжили его сыновья; в каком отношении он находился к ним, особенно к старшему Ярополку, сидевшему в Киеве? Во всяком случае, ему необходимо было лишить последнего данной ему власти и занять его место; притом, как должны были смотреть на него киевляне, которые и прежде упрекали его за то, что он отрёкся от Руси?» — задаёт резонный вопрос А.С. Королёв.

Так может ли князь, лишённый удачи, земли и головы, преданный своими же соратниками, братоубийца и, в довершение ко всему, заложный покойник, быть объектом поклонения и примером для подражания?! Ни в коем разе! Ни один здравомыслящий язычник древности не стал бы связывать себя с таким негодным символом!

Рассказывает Вадим Казаков:

С середины 1990-х образ великого князя киевского Святослава стал довольно популярным в среде язычников России. Мои давние соратники знали всегда моё резко отрицательное отношение к этому персонажу. Пока культ Святослава был слабо выражен, с ним ещё можно было мириться. Но в первые же годы XXI века его культ перешагнул все мыслимые пределы. Вслед за «древними украми», наши доморощенные «древние русы» стали выбривать себе волосы на тюркский манер, оставляя айдар на бритой башке, носить на славянских праздниках широченные тюркские шаровары. Появились «заповеди Святослава», майки с его изображением и надписью «Иду на вы!», плакаты и даже иконы! Той самой последней каплей стала установка памятника киевскому князю Святославу Игоревичу в Серпухове, которая вынудила меня стать соавтором «Слова о ложном величии». За что я тут же удостоился от фанатиков Святослава различных похвал, впрочем, не блещущих оригинальностью. Итак, что мне в нём не нравится:

«Святослав был великим русским князем»

Был. Никто же не спорит! Только одно, но... **Он был князем русов. А между летописными русами и нынешними русскими такая же разница, как между франками и французами.** Современные русские совсем **не родственники** тем русам, чьим князем был Святослав. Не нужно обманывать себя!

Мы, современные русские – **славяне**, потомки кривичей, вятичей и ильменских словен... Мы потомки тех, кто воевал против Святослава и его воинства.

Своим и родным Святослав является только для династий Рюриковичей и Романовых. Для большинства славянского и неславянского населения России он совершенно посторонний персонаж! Современная Россия — наследница Российской империи, а та выросла из Московского царства, которое является наследником Великого княжества Московского и Новгородской республики, располагавшихся на землях всё тех же вятичей, кривичей и словен. **Возвеличивание чужого героя, не просто чужого, ещё и врага своих предков, чем не идеологическая диверсия?**

«Святослав освободил вятичей от иудейского хазарского каганата»

Это непременно ставят в заслугу Святославу его фанаты. Но так ли это? Что говорит первоисточник? Если не брать в расчёт фантазии малограмотных историков, пишущих про «подвиги Светослава» (через Е), то получается вот что:

Освобождение № 1: *В лето 6472. Князю Святославу възрастѣиу и възмужавшиу, нача воя съвокупляти многы и храбры. Бе бо и самъ хоробръ и легокъ, ходя аки пардусъ, войны многы творяше. Возъ бо по себе не возяше, ни котла, ни мясъ варя, но потонку изрезавъ конину, или зверину, или говядину, на угълехъ испекъ, ядяше, ни шатра имяше, но подъякладъ постилаше, а седло въ головах; тако же и прочии вои его вси бяху. И посылаше къ странам, глаголя: «Хочю на вы ити». И иде на Оку реку и на Волгу, и налезе вятичи и рече имъ: «Кому дань даете?» Они же ркоша: «Козаром по щелягу от рала даем».*

Подробно рассказав читателям, как Святослав готовил шашлык, отдыхал и слал заказные письма, летописец дальше как воды в рот набрал. Получается, князь собрал войско и пошёл на вятичей ради того, чтобы спросить у них, кому они платят дань? И всё? Либо он дурак, либо летописец, либо не в себе его фанаты. Представьте: войско приходит на Оку. Впереди, на лихом коне, сам великий князь киевский Святослав, весь обвешанный драгоценностями (серьга в ухе) и «налезе» вятичей.

Допустим, что «налезти» — это не «сойтись с кем-то» (см. «Поучение Владимира Мономаха», 81), не надвинуться или навалиться «на кого-либо», а «найти». Ведь так обычно переводят словооборот — в отрыве от исторической ситуации. И получается картина следующая. Ехал-ехал Святослав с войском, куда глаза глядят, выехал на Оку и вдруг «нашёл» вятичей (как будто доселе

они не принимали участия в знаменитом походе Вещего Олега на Царьград!). «Ось, дывысь, вятичи!» — удивлённо воскликнул Святослав. «Святослав! — обрадовались вятичи». «А шо, шановны вятчи, — говорит Святослав, — хочу спытати у вас, кому вы дань даеце? Дуже це мэни цікаво» «Так это, — отвечали вятичи, — знамо кому, хазарам даём, ваше благородие! Поцьлягу от рала. Ну, чтобы те не шибко обижались». «Хазарам? — удивился Святослав, — я чомусь думав, що даеце мэксиканцям. Но то добре, хай будэ хазарам. До побачення, шановны панове!» И Святослав, узнав, что хотел, повернул назад в Киев. Вместе с войском. «Странный человек, — подумали вятичи. — Зачем приходил-то? Просто спросить?»

Ни у кого не возникает вопрос о неожиданности «нахождения» вятичей на Оке? Ведь Святослав имел привычку заранее оповещать неприятеля заказным письмом с уведомлением: «И посылаше къ странам, глаголя: “Хочю на вы ити”». Неужели вятичи не получили сообщение? Не подготовились? Войско не собрали? Пришёл Святослав, а воевать-то не с кем! Не готовы вятичи к войне! От досады он ограничился расспросами касавшего местного налогообложения.

Теперь допустим, что «налезть» — «сойтись с кем-то». Тогда задиристый князь, который, по словам летописца, «войны многы творяше», навалился на вятичей со своим войском. Поскольку ни о какой победе над оными летописец почему-то не упомянул, есть три варианта: либо «пардус» в 964 г. получил от вятичей люлей, либо дело закончилось стоянием на Оке-реке и переговорами, когда Святослав понял, что «освободить» в этот раз вятичей не получится. Сил «воев многих и храбрых» явно недостаточно, а предназначенные к освобождению вятичи хмуры и освобождаться не настроены. Чтобы не опозориться, князь сделал вид, что вроде как за тем и шёл с войском, чтобы «просто спросить». Как понимаете, дань хазарам от вятичей не была военной тайной. Третий вариант (совершенно в духе болгарских договоров Святослава): он пришёл заключить договор с вятичами о «дружбе и ненападении», чтобы не получить удар в спину во время похода на хазар. А затем, в случае победы над хазарами, вернуться и вероломно напасть на вятичей... Какой же вариант выбрал Святослав? Ответ очевиден.

В 965 году Святослав разгромил хазарский каганат, а в 966 году «освободил»-таки вятичей.

Освобождение № 2: В лето 6474. Победы вятичь Святославъ и дань на нихъ възложи.

Хочу обратиться к тем людям, которые принимают фантазии за чистую монету. Во-первых, дань вятичей Святославу была **точно такая же**, какую они до своего “освобождения” платили хазарам. О снижении дани речи нет нигде! «В лето 6489. Иде Володимиръ к ляхомъ и зая грады ихъ: Перемышль, Червень и ины города, иже суть и до сего дне подъ Русью. Семъ же лете и вятичи победи и възложи на ня дань от плуга, якоже отецъ его ималь». Т.е. Святослав так же «имал от плуга» с вятичей, как и хазары. Во-вторых, нигде не сказано, что Святослав, возложив на вятичей свою дань, освободил их от уплаты точно такой же дани хазарам. Это как бы само собой разумеется. Но не факт! Люди, жившие в 1990-х, помнят, что уплата дани одной «крыше» не гарантировала неуплату дани другой «крыше» или же разовых выплат невесть откуда «налезшим» бандитам-отморозкам. В-третьих, само «освобождение» **вятичей от Хазарского каганата на следующий год после разгрома** этого каганата выглядит настолько нелепо, что поклонники Святослава обходят этот факт молчанием либо начинают нести околесицу. Представьте, что в 1945 году СССР разгромил Третий рейх, а Польшу освободил от этого рейха только в 1946 году.

Но позвольте: если Святослав не освободил вятичей от хазар, а воевал с ними и обложил **такой же данью**, то почему в Серпухове, на земле вятичей, стоит памятник Святославу? Может мне кто-нибудь это объяснить?

Сами вятичи почему-то никак не желали, чтобы их «освободили» киевские князья, а поэтому сразу восставали против «освободителей» — и при Владимире Святославиче, и при Владимире Мономахе. Естественно, потому что имели собственное государство, со своими правителями и законами. Только через двести лет после первого «освобождения» вятичи были покорены.

Любопытно, что сказали бы павшие в битвах за свободу своей родины на протяжении двух веков, узнав, как через 800 лет на их земле, в Серпухове, «благодарные» неучи-потомки поставят памятник не им, а... Святославу?

«Святослав — последний языческий князь Руси»

Это ни в какие ворота не лезет! После Святослава княжил сын его Ярополк, язычник¹⁰. А после Ярополка — Владимир, тоже язычник, которому приписывают «крещение Руси». Какой же Святослав «последний языческий князь»? Учите матчасть!

«Вятичи давали хазарам дань по девице от двора»

Более того, фанаты Святослава утверждают, что вятичи платили не просто «по девице», а «по девственнице»! Господа хорошие, чтобы выплатить такую дань, вятичанки должны были метать икру! Вы хоть иногда задумывайтесь над тем, что пишете и что переписываете у других! Почитайте что-нибудь о репродуктивных возможностях женщины. На самом деле дань была обычна для того времени: *по беле веверице с дыма*, превратившейся стараниями очередного переписчика в Радзивилловском списке ПВЛ в «беле девеце».

Во всех остальных списках ПВЛ никакой «девеце» нет! В том же Радзивилловском списке вятичи платят обычную дань «по щялягу от рала». По логике поклонников Святослава получается: «бела девеца» и «щяляг от рала» одно и то же? А если нет, то почему вятичи прекратили платить девицами и перешли на «щяляги от рала»? Запас девственниц закончился?

«Святослав не торгош, а воин»

Предоставим слово самому покойному князю:

«Рече Святославъ къ матери своей и къ боярам своимъ: “Не любо ми есть в Киеве жити, хочю жити в Переяславци в Дунаи, яко то есть среда земли моей, яко ту вся благая сходяться: от Грекъ паволоки, золото, вино и овоци разноличьнии, и и-Щеховъ и изъ Угоръ — серебро и комони, изъ Руси же — скоря, и воскъ, и медъ и челядь”».

Допустим, как утверждают некоторые, «челядь» — это не рабы, а нечто иное. Туристы там или гастарбайтеры. Могут ведь гастарбайтеры стекаться из Руси в Переяславец? Отчего же нет? Могут. Тогда, может, упомянутый им воск это на самом деле парафин? А мёд — сахарный сироп? А «комони» это пони?

И зачем всё это стекалось в Переяславец? На выставку достижений народного хозяйства? Конечно же, чтобы стать товаром!

Вопрос: зачем «не торгошу, а воину» воск, скоря (меха), мёд, серебро, золото и паволоки с овощами? Чтобы сконструировать из них чудо-оружие? Меч-кладенец сковать? И на челяди-гастарбайтерах его испытать?

Уважаемые читатели! В средние века торговля вовсе не считалась зазорным делом. Это вам не СССР 1970-х, где «торгашом» обзывали (и было за что). Торговля давала такой же ощутимый доход, как и войны. Задумайтесь: куда Святослав девал свою долю добычи, взятую в многочисленных походах? Дань, собранную с покорённых славянских племён: скорю, воск, мёд и челядь (пленных)? Коллекционировал? Закапывал на чёрный день? Сжигал? Ковал из них кольчуги? Переплавливал на мечи-кладенцы?

Нет, он превращал их в «золото и паволоки», продавая. Если не сам, то через своих доверенных людей, торговых агентов. И в этом нет ничего удивительного. Удивительно то, что фанаты Святослава договорились до того, что, мол, упомянутая в летописном отрывке челядь — это пленные хазары, которых Святослав продавал в Переяславце. Тогда почему челядь «стекается из Руси»? Посмотрите на карту. Где Киев и где Итиль? И где Переяславец? Есть смысл Святославу тащить мрущую по дороге «челядь» окольными путями из Итиля в Киев, а оттуда в Переяславец для того только, чтобы в начале XXI в. его фанаты писали, что торговал он исключительно «пленными хазарами-иудеями»?

¹⁰ «Ярополк же был муж кроткий и милостивый ко всем, любящий христиан, и хотя сам не крестился народа ради, но никому не запрещал... Ярополк нелюбим у людей, потому что христианам дал волю великую» (ПВЛ).

Для Святослава славяне были такими же иноплеменниками, как хазары или касоги! Естественно, он их захватывал в плен и продавал, а на вырученные деньги покупал себе полезные для пищеварения «овощи разноликийи». Не верите? Слово современникам¹¹:

«Что же касается ар-Русийи, то она находится на острове, окруженном озером. Остров, на котором они (русы) живут, протяженностью в три дня пути, покрыт лесами и болотами, нездоров и сыр до того, что стоит только человеку ступить ногой на землю, как последняя трясется из-за обилия в ней влаги. У них есть царь, называемый хакан русов. Они нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, везут в Хазаран и Булкар и там продают. Они не имеют пашен, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян» (Ибн-Русте, «Дорогие ценности»).

Непонятно, почему же некоторые прямые потомки вятичей и кривичей так гордятся тем, что их родичей Святослав отправлял в Переяславец на продажу вместе с мёдом и шкурками? И даже ставят ему памятники за это.

«Святослав — воин, на равных сражавшийся со ВСЕЙ авраамической системой в лице Византийской империи, сильнейшего государства Европы»

Святослав вряд ли что-то знал об «авраамической системе», о чём можно судить по тому убогому представлению с «выбором веры», которое, согласно летописи, устроил его сын Владимир. Позвольте спросить, господа историки-святославоеды:

– Где и каким образом Святослав обнаруживает знания об иудаизме?

– Где указания, что поводом разгромить Хазарский каганат было то, что иудаизм, мол, большая бяка?

– Был бы он в ваших глазах менее героическим, если бы воевал с каким-то иным каганатом? Буддистским, например?

– Если Хазарский каганат был разбит, потому что был «иудейским», а не тюркским, то зачем он разбил вятичей, ясов и касогов? Они тоже «иудейские»? Хазаров он разбил за то, что были «иудейские», греков и болгар за то, что были «христианские», а печенегов за то, что были «печенежские»? По ошибке? Это, конечно, он зря.

За это печенежские печенеги на него страшно обиделись и сами его разбили, отрезав голову и сделав из неё посуду. Об этом «Всемирная история в обработке «Сатирикона»» рассказывает так: *«По дороге в Киев Святослава и его дружину перерезали печенеги. Напав на Святослава, печенеги не знали, на кого они напали. Когда печенежский князь потом узнал, что это был сам Святослав, то три дня дрожал со страха».*

И напоследок советую читателям различать подлинные исторические образы и образы, созданные в художественных произведениях с пропагандистскими целями. Думайте своей головой, коли она есть на плечах!

¹¹ Святослав родился в 927 году, в год смерти своего деда Симеона Великого. То есть он родился и вырос в те годы, когда ещё жил и творил Ибн-Русте. Таким образом, Святослав является младшим современником Ибн-Русте. Русы занимались грабежом славян и в бытность Ибн-Русте, и, как видим со слов Святослава, он тоже, как и те же русы, вывозит к себе на Дунай рабов.